

**Война,
мир
и
булка
с
маслом**

Ctrl+Alt+Del

Ctrl+Alt+Del

Война, мир и булка с маслом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73086988

SelfPub; 2026

Аннотация

Граф Лев Толстой пытается наставить на путь истинный обывателя Карпова. Карпов пытается выпить чай. Из их столкновения рождаются: философская жаба в сапоге, выставка для мёртвых, операция по удалению счастья и война за смысл бутерброда. Все факты сомнительны. Все выводы ошибочны. Никто ничему не научился. Читать, не моргая.

Содержание

Высокая кухня Льва Толстого	5
Укус Толстого	7
Жизнь, дрова и булка	9
Яблоня из уха	11
Как Карпов у Толстого ум занимал	13
Вьюга по Толстому	15
Как Толстой Карпову крестьян подарил	17
О мысли, Толстом и простом человеке	19
Как Толстой Карпова работать заставлял	21
Как Карпов Толстого за волосок дёрнул	23
Как Карпов с Толстым в «Совесть» играли	25
Стигматы наоборот	27
Как Толстой Карпова высечь хотел	29
Как Толстой Карпову дорогу перешёл	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Ctrl+Alt+Del

Война, мир и булка с маслом

Если вы найдёте в этой книге смысл, немедленно сообщите автору. Он будет уничтожен в установленном порядке.

Данное произведение не имеет ни морали, ни сюжета, ни надежды на исправление персонажей. Что, впрочем, и естественно.

Высокая кухня Льва Толстого

Карпов, посетив Ясную Поляну с экскурсией «Тур Депо», поскользнулся на философской категории и упал напрямиком в 1886 год. Он приземлился на грядку с капустой, аккуратно перед носом у Льва Николаевича, копавшего картошку в рамках духовного очищения.

– Молодой человек! – прогремел граф. – Вы помяли мою онтологию!

Карпов, отряхивая с брюк остатки трансцендентального, пробормотал что-то о суточных щах. Это было его роковой ошибкой.

Толстой, чья борода в тот день особенно бушевала от творческих порывов, схватил её обеими руками и принялся вытряхивать над Карповым содержимое.

На Карпова посыпались: три пуда народной мудрости, недописанная глава «Воскресения», семь заповедей, только что придуманных по дороге от бани, полкороба моральных дилемм и три призрачных мужика, спорящих о душе.

– Чтоб вы знали! – гремел Толстой, тряся бородой, как грушевое дерево. – Вся сложность бытия! Весь тут груз ответственности!

Карпов, чихая от летящей в нос метафизики, попытался поймать пролетающую мимо заповедь «Не убей», но та оказалась скользкой и улетела в сторону курятника.

В конце концов, граф вытряхнул на Карпова последнее – густые, как смола, суточные щи из самого котла русской души. Они текли по лицу Карпова, пахли грехом и покаянием и на вкус были как вечность, приправленная лавровым листом.

– Ну что? – спросил Толстой, заправляя исхудавшую бороду за пояс. – Понял теперь, что такое настоящие щи?

Карпов, отплёвываясь от прилипшей к зубам морали, лишь кивнул. Он понял главное: никогда, ни за что не говорить при Толстом о еде. Это чревато последствиями и намекало на его величину, как писателя.

Очнулся он уже в нашем времени, на той же грядке. В кармане у него лежал засохший лавровый лист, а в душе необъяснимая тяга к простому физическому труду и лёгкое отвращение к капусте.

Укус Толстого

Произошло это в Ясной Поляне, за чаем. Карпов, большой эстет, позволил себе критически высказаться о поздних работах Толстого, в частности, назвав морализаторство графа «увечьем, нанесённым самому искусству». А так же позволил себе заметить, что «Война и мир» – это, конечно, грандиозно, но вот сцена охоты могла бы быть и покороче.

Лев Николаевич, не проронив ни слова, встал, подошёл к Карпову сзади и, с присущей ему основательностью, откусил Карпову левое ухо.

Карпов вскрикнул, но вместо крови из раны хлынула тёмная, густая абсолютная тишина. А там, где раньше было ухо, открылось иное измерение – чистый, ничем не замутнённый канал восприятия.

Лишённый одной из двух точек для стереозвука бытия, Карпов начал слышать музыку сфер и видеть все звуки. Он обнаружил, что краска, ложась на холст, издает аккорды, а линии карандаша рождают лёгкие, почти неслышные мелодии.

Его картины, которые он тут же начал писать собственной кровью и истолчённым углём из камина, были полны такой пронзительной, многомерной гениальности, что заставляли зрителей плакать внутрь самих себя. Он писал «Тишину после поступка», «Портрет отсутствующего я» и свою знаме-

нитую серию «Симфонии в черном».

Когда его спрашивали, как он пришёл к такому великому искусству, Карпов, уже всемирно известный, лаконично отвечал:

– Меня укусил классик. Будьте осторожны с великими – они бывают заразны.

Жизнь, дрова и булка

Карпов, будучи человеком любознательным, но ленивым, от скуки написал Толстому письмо с единственным вопросом: «В чём жизнь?» Ответ пришёл не по почте, а с самим Львом Николаевичем, который явился в одну пятницу ровно в пять часов, отряхивая с бороды дорожную пыль.

– Жизнь, – возвестил он, не снимая пальто, – в труде! Сейчас будем рубить дрова.

Карпов, который не рубил дрова со времён пионерского лагеря, покорно последовал за писателем во двор. Толстой, согнав с полена муравьёв-толстовцев, торжественно вложил в руки Карпову топор. Тот, размахиваясь, промахнулся и рубанул по собственному отражению в луже. Отражение истекло водой, и Карпов почувствовал лёгкость.

– Не в том труд! – покачал головой граф. – Труд великий в слове! Садись, пиши исповедь.

Карпов сел за стол и написал: «Сегодня я не выспался». Толстой прочёл, и из его бороды выпало несколько злых мужиков и одна анемичная барышня ахая на французском.

– И это всё?! – воскликнул он. – Где боль? Где тяжёлый поиск? Где мучительный моральный выбор?

– Я его ещё не сделал, – честно признался Карпов. – Я пока только собрался за хлебом.

Толстой тяжело вздохнул, и из его лба выпали «Война и

мир» в виде аккуратной стопки черновиков. Он молча указал на них, потом на Карпова, развернулся и ушёл, растворяясь в вечерних сумерках, как неразрешённый конфликт.

Карпов остался сидеть за столом. Он так и не понял, в чём жизнь, но теперь, по крайней мере, знал, что у неё должен быть моральный выбор. А пока он решил пойти за хлебом. По дороге он купил булку, и это было так просто и приятно, что, возможно, в этом и заключался главный труд его жизни.

Яблоня из уха

Толстой, заглянув как-то к Карпову, застал его за разглядыванием заграничной открытки с видом Альп.

– Фу, – сказал Лев Николаевич, – чужие горы! Разве это по-русски?

Он выхватил открытку и, не глядя, съел её. Потом развернул на столе карту Тульской губернии, посыпал её солью и протянул Карпову:

– Вот тебе и закуска, и география. Чувствуешь?

Карпов осторожно лизнул угол карты. На вкус она была как тёплая гречиха, слеза и пыль проселочной дороги.

– Любовь к родине, – пояснил Толстой, медленно проводя пальцем по извилинам Оки, – должна быть простой, как горшок со щами, и глубокой, как крестьянская тоска. Смотри!

Он стукнул кулаком по груди, и у Карпова из уха выпало яблоко антоновка, мутная и твердая, как русская душа.

– Сажай! – скомандовал граф.

Карпов послушно воткнул яблоко в цветочный горок с геранью. К утру выросла яблоня, вся в чернильных пятнах, как рукопись, и пахла махоркой и прелой листвой.

Теперь Карпов поливает её чаем и читает вслух Войну и Мир. А та в ответ роняет ему на голову то сухую былинку, то мокрую совесть. И Карпов наконец понял, что любить родину – это не смотреть по сторонам, а слушать, что растёт у

тебя в собственном горшке.

Как Карпов у Толстого ум занимал

Карпов, обнаружив у себя в черепе пустоту, пошёл к Толстому за умом в кредит. Лев Николаевич сидел на веранде и жевал собственную бороду – это помогало ему думать.

– Ума тебе надо? – переспросил он, выплюнув несколько зёрнышек народной мудрости. – Бери, но под залог. Что оставишь?

Карпов порылся в карманах и вытащил абсолютную тишину, свёрнутую в трубочку. Толстой одобритительно кивнул, развернул её, приложил к уху, как раковину, и услышал небытие.

– Сойдёт, – сказал он и вынул из-за пазухи небольшой, но увесистый ум, небрежно завернутый в газету «Русские ведомости».

Ум оказался очень капризным. Он требовал, чтобы его кормили сложными супами из трёх бульонов, поили крепким чаем с десятью ложками тростникового сахара и ежевечерне чесали специальной японской костяной палочкой. Если Карпов забывал, ум начинал громко хлопать крышкой черепа и свистеть марш из «Пиковой дамы».

Когда пришло время возвращать ум, Карпов пришёл к Толстому и развёл руками:

– Не могу отдать. Он у меня... прижился.

Толстой подошёл, заглянул Карпову в затылок, ткнул

внутри пальцем и нажал невидимую кнопку. Ум с тихим щелчком выскочил, оставив после себя лёгкое недоумение.

– С процентами, – напомнил граф.

В качестве процентов Карпов отдал ему своё чувство юмора. Теперь он не понимает шуток, зато знает, как надо жить правильно. А Толстой иногда смеётся по ночам чужим, карповским смехом громко и неуместно.

Вьюга по Толстому

Карпов, обнаружив духовную потребность в очищении, пришёл к Толстому за снегом. Застал графа в яснополянском парке, где тот пытался объяснить берёзе основы нравственности.

– Снега тебе? – переспросил он, стряхивая с плечей лёгкое облако моральных терзаний. – Это вам не дров нарубить. Снег русское состояние души.

Он поднял глаза к небу, и с его ресниц посыпались идеально шестиугольные кристаллы мудрости. Каждая хлопинка была размером с эпифанию и таяла на ладони, оставляя ощущение покоя вечности. Снежинки падали и падали, образуя на земле цитаты из «Крейцеровой сонаты».

– Но мне бы ещё и для двора, – уточнил Карпов.

– Ах, для двора! – Толстой разочарованно вздохнул, и из его бороды выпало три пуда сугробов, пахнущих детством и манной кашей.

– Собирайте, – разрешил граф. – Но помните: каждый сугроб – это ответственность.

Карпов попытался собрать снег в шапку, но тот оказался невесомым и тут же испарился, оставив лишь намёк на возможность чуда.

– Не материя то, а идея, – пояснил граф, доедая последнюю снежинку. – Хотите сугроб – создайте его у себя в душе.

Карпов вернулся домой, сел в кресло и начал медитировать на тему зимы. Через час комната наполнилась прозрачным холодом, с потолка закапала тишина, а за окном повалил самый настоящий снег – плотный, молчаливый и слегка пахнувший толстовской бородой.

Теперь, когда Карпов говорит, из его рта идут пары вечных вопросов, а по утрам он находит на подоконнике иней из незавершённых мыслей Льва Николаевича.

Как Толстой Карпову крестьян подарил

Карпов, томимый экзистенциальной тоской по подлинному бытию, пришёл к Толстому и попросил: «Лев Николаевич, подарите мне крестьян. А то в городской квартире как-то тихо и... неправильно».

Толстой, не отрываясь от письма к Александру III о нравственном долге интеллигенции, молча указал пером на книжную полку. Карпов подошёл и увидел там трёх маленьких, но очень плотных крестьян, аккуратно стоящих между «Анной Карениной» и «Воскресением».

Они были сделаны из спрессованного трудового пота, тихой покорности и семи пудов народной мудрости. Самый старший, Ефим, даже шевелил усами.

«Спасибо!» – растроганно произнёс Карпов и унёс их домой в кармане пальто.

В городской квартире крестьяне сначала растерялись. Они попытались пахать линолеум, посадили в цветочный горшок несколько зёрен тоски и стали петь русские протяжные песни, от которых у соседей закисло молоко.

Карпов был счастлив. Он слушал их разговоры об урожае, о жизни, о смысле бытия и чувствовал, как душа наполняется чем-то настоящим. Но вскоре крестьяне затосковали по

простору. Они стали чахнуть на глазах, и от них остались лишь три тёмных пятна на полу в виде ушедших вниз силуэтов да лёгкий запах печного дыма и тревожной грусти.

Теперь, когда Карпову особенно одиноко, он ставит на пол миску с молоком и включает запись шума дождя в Ясной Поляне. Говорят, тогда из щелей в паркете доносится тихое посапывание, и на миг кажется, что где-то совсем рядом колосится бескрайнее поле ржи, по которому бредет его личный, подаренный Толстым, мужичок.

О мысли, Толстом и простом человеке

Карпов как-то прилёг после обеда, и у него родилась Мысль. Не абы какая – красивая, круглая, ладная, пахнущая свежей сдобой и патентом на вечный двигатель.

В этот момент зашёл Толстой посмотреть, как живёт тут простой человек. Увидел красавицу Мысль, лежащую на подушке, и ахнул.

– Сия мысль, – провозгласил он, – должна принадлежать народу!

И, прихватив её под полой, удалился, оставив на стуле расписку: «Взято для нужд просвещения. Граф Толстой».

Карпов, проснувшись, тут же почувствовал пустоту в голове. Он метался по комнате, искал свою любимую Мысль, но нашёл лишь записку и пятно от бороды на зеркале.

А Толстой тем временем в Ясной Поляне пытался приставить Мысль Карпова к своему «Воскресению». Не приставлялась. Мысль была слишком простой и гармоничной, она не вписывалась в сложный нравственный конфликт. Тогда он отдал её крестьянам. Те пару дней поиграли ею, как мячиком, а потом и совсем потеряли в овраге.

С тех пор Карпов ходит с выражением на лице: «Мысль украдена. Новых не имею». А Толстой иногда, в минуты

страшных творческих мук, приезжает к нему и с надеждой заглядывает в его голову – не родилась ли новая. Но голова Карпова пуста. Иногда только пахнет свежей сдобой.

Как Толстой Карпова работать заставлял

Карпов лежал на диване и наблюдал, как по потолку путешествует муха. Вдруг дверь распахнулась, и на пороге возник Толстой в серой рабочей блузе, с острым топором в одной руке и свитком моральных обязательств в другой.

– Встать! – прогремел он так, что с полки слетели три самых ленивых мысли. – Труд основа нравственности!

Карпов попытался возразить, что он трудится и наблюдает за мухой, но Толстой перебил его:

– Наблюдение без последующего действия – праздномыслие! Рубить дрова! Копать землю! Сеять рожь!

Он сунул Карпову в руки топор и вытолкнул его во двор. Карпов неумело взмахнул топором и случайно разрубил пополам тишину. Из раны хлынул пространственный звон, и все окрестные птицы начали декламировать «Войну и мир».

Тогда Толстой заставил его копать. Карпов воткнул лопату в землю и вывернул наружу клочок мистической тьмы. Тьма зашипела и испарилась, оставив после себя лишь пятно в форме невыполненного долга.

– Неспособен! – сокрушённо воскликнул граф и увёл Карпова в поле сеять рожь. Вместо зёрен Карпов рассыпал по пашне свои сомнения. К утру взошли чахлые ростки фило-

софских трактатов, которые тут же начали спорить друг с другом о смысле бытия.

Изумлённый Толстой отпустил Карпова с миром. С тех пор Карпов лежит на диване, но уже с чувством глубокого морального превосходства: он не просто бездельничает, а выращивает целые плантации экзистенциальных проблем. А Толстой иногда присылает ему письма, в которых пытается объяснить, что же пошло не так.

Как Карпов Толстого за волосок дёрнул

Карпов выдернул волос из бороды Толстого, когда тот медитировал на тему всепрощения. Волос оказался не волосом, а мистическим корнем, уходящим прямиком в почву коллективного бессознательного.

На месте вырванного волоса осталась не ранка, а глаз. Маленький, влажный, всевидящий глаз, который тут же уставился на Карпова с немым укором. Из глаза сочилась не кровь, а чернильная густота, в которой тонули буквы, слова и целые недописанные главы.

Сам волос в руке Карпова зашевелился и начал расти, превращаясь то в лиану из спутанных сюжетных линий, то в холодную змею литературной традиции. Он тянулся обратно к Толстому, пытаясь снова врасти, но глаз на подбородке моргнул, и связь прервалась.

Толстой при этом не шелохнулся. Он лишь глубже погрузился в медитацию, а его борода вокруг глаза зашевелилась, отгоняя назойливых мух-символов, слетевшихся на запах открывшейся вечности.

Карпов, держа в руке теперь уже целую нить судьбы (своей? толстовской? русской литературы?), почувствовал головокружение. Он увидел, как по волосу, как по проводу, по-

бежали крошечные сцены: Наташа Ростова на первом балу, Пьер в горящей Москве, старый князь Болконский в предсмертной тоске.

Теперь этот волос хранится у него в гербарии, зажатый между страницами кулинарии прижатыми сверху трактатом по сапожному делу. Иногда по ночам он светится тусклым светом, и тогда Карпову снятся сны на языке, которого нет, но который понимаешь всем нутром. А у Толстого на подбородке так и остался тот глаз. Говорят, именно поэтому в поздних произведениях взгляд его стал таким всевидящим и беспощадным – он буквально смотрел оттуда, из самой сердцевины бороды.

Как Карпов с Толстым в «Совесть» играли

Карпов заглянул к Толстому в час душевной смуты. Застал графа за раскладыванием пасьянса из цитат собственных дневников.

– Сыграем? – спросил Толстой, не глядя. – Игра называется «Совесть». Правила простые: кто наберёт больше моральных очков, тот проиграл.

Карпов сел. Вместо карт ему выдали колоду тонких, почти прозрачных пластинок, на которых были выгравированы ситуации: «Увидел нищего и прошёл мимо», «Соврал из вежливости», «Промолчал, когда надо было говорить». Каждая пластинка жгла пальцы.

Толстой начал с сильного хода и выложил «Отрёкся от имущества во имя идеи». Стол под картой затрещал и покрылся инеем.

Карпов, немного растерявшись, выложил «Помог старушке через дорогу, но внутренне раздражался». Его пластинка задымилась и издала звук, похожий на сдавленный вздох.

– Слабо! – проворчал Толстой и бросил на стол «Простил смертельного врага». Комната наполнилась странным светом, а с потолка посыпались лепестки несуществующих цветов.

Игра шла до тех пор, пока у Карпова не кончились все мелкие грехи. В отчаянии он вытащил из внутреннего кармана свою козырную карту – «Никому не рассказал о своём единственном по-настоящему благородном поступке».

Наступила тишина. Пластинка не дымилась, не светилась. Она просто лежала, тяжелая и настоящая. Толстой долго смотрел на неё, потом медленно перевернул свою последнюю карту. На ней было чистое зеркало.

– Игра окончена, – тихо сказал граф. – Вы выиграли тем, что не знали, что выигрываете. Забирайте свой выигрыш.

Выигрышем оказался маленький, тёплый камушек – «Спокойствие без гордыни». Карпов носит его в жилетном кармане. Иногда, в минуты сильной суеты, он зажимает камень в ладони, и мир на мгновение замирает, обретая ясные, простые очертания. А Толстой с тех пор пасьянс не раскладывает, сложил все цитаты обратно в дневник и на последней странице написал: «Иногда тишина громче всех проповедей. Особенно та, что после честной игры».

Стигматы наоборот

Толстой встретил Карпова на веранде с книгой в руках и выражением лёгкого недоумения на лице. Он выхватил фолиант и прочёл название. Борода его зашевелилась, как гнездо встревоженных змей. Застав Карпова за чтением Владимира Сорокина, Толстой не закричал. Он замолчал с такой силой, что в радиусе трёх вёрст перестали петь все птицы, а лягушки в пруду замерли с полураскрытыми ртами.

– Дайте, – сказал он тихо, и тишина вокруг сгустилась, как мировой холодец.

Он взял книгу двумя пальцами, будто держал ядовитого паука, и начал методичное уничтожение:

Вырвал титульный лист и съел его, запивая тёплым молоком. «Чтобы узнать врага изнутри», – пояснил он, и буквы «Владимир Сорокин» проступили у него на лбу, как стигматы, но только наоборот.

Каждую страницу он проглаживал своей бородой, которую раскалил на совести. Буквы не сгорали, а испарялись в виде едкого дыма, пахнувшего дешёвым парфюмом и социальным пессимизмом.

Обложку он прибил священным девяти дюймовым гвоздём к воротам Ясной Поляны как предостережение. Но к утру она проросла в дереве, и из-под краски полезли розовые, сочные ростки абсурда, похожие на чьи-то распухшие

инфернальные языки.

– Видите? – торжествующе сказал Толстой Карпову, тыча в эти адские ростки. – Это же не литература. Это биологическая диверсия против человеческого разума!

С тех пор в Ясной Поляне происходят странные вещи. Яблоки на любимой толстовской яблоне стали квадратными и черными. Коровы мычат алеаторическими текстами. А сам граф по ночам, во сне, диктует секретарю не «Воскресение», а что-то очень похожее на сцену с колбасой и нормой, после чего просыпается в холодном поту и требует срочно прочесть ему вслух «Кавказского пленника» – для дезинфекции сознания.

С тех пор Карпов читает Сорокина тайком, в подвале, при свете фонарика через специальный фильтр – лист папиросной бумаги, на котором Толстой каллиграфически вывел: «Не верь дитя глазам своим. И ушам тоже. Особенно ушам». Говорят, так даже стало интереснее.

Как Толстой Карпова высечь хотел

Толстой решил высечь Карпова после того, как тот в философском споре назвал опрощение «позой», а «Анну Каренину» «длинноватой, но с хорошей концовкой».. Граф вскипел, схватил первую попавшуюся под руку розгу (оказалось, это была засохшая ветвь от семейного дерева Ростовых) и пустился в погоню, сверкая бородой, как знаменем праведного гнева.

Но Карпов был хитер. Он применял эзотерическую тактику релятивистского уклонения, основанную на глубоком знании текстов самого Толстого и мистических практик Кроули:

Превратился в «простое лицо из народа». Надел зипун, нахмурился и начал молча ковырять землю палкой. Толстой, подсакав, готовый к экзекуции, вдруг усомнился: а имеет ли он, помещик, моральное право сечь мужика, даже если тот глуп? Пока граф мучился экзистенциальным кризисом, Карпов перебежал на следующую улицу.

Использовал приём «диалектического отрицания». Когда Толстой настиг его у булочной, Карпов вдруг заявил: «А я и не я вовсе! Я лишь продукт вашего авторского воображения, Лев Николаевич! Бьёте вы, значит, не меня, а собственный нереализованный творческий импульс!» Толстой замер с занесённой розгой, его ум захлестнула волна металитера-

турной рефлексии, и Карпов снова улизнул.

Применил уловку «нравственного перевеса». Загнанный в тупик у городской стены, Карпов вдруг вытащил из кармана конфету пятилетней давности и подал её нищему. Сияние бескорыстного поступка было столь ослепительно, что Толстой, как истинный поборник добродетели, вынужден был отдать честь. В этот момент Карпов тихо слился с толпой.

Измученный бесконечными этическими дилеммами, которые подкидывал ему беглец, Толстой вернулся домой, бросил розгу-ветвь в камин и сел писать трактат «О трудностях применения насилия к существам, знакомым с категорическим императивом». А Карпов с тех пор, встречая графа, вежливо снимает шляпу и спрашивает о здоровье. Толстой только тяжело вздыхает, и его борода шевелится, как шерсть у собаки, которая видит кота, но знает, что поймать его нельзя по правилам честной охоты.

Как Толстой Карпову дорогу перешёл

Толстой перешёл Карпову дорогу буквально. Карпов шёл себе спокойно по тропинке в Яснополянском парке, размышляя о весёлом, как вдруг из-за дуба, того самого, вышагнул сам Лев Николаевич широкий, бородатый, как живая стена из идей и крестьянского сурового полотна.

Остановились они друг перед другом. Толстой смотрел вверх головы Карпова, куда-то в дальние дали и горизонты, где решались судьбы человечества. Карпов смотрел на блестящие пуговицы на жилете графа – они были пришиты крепко, на совесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.